

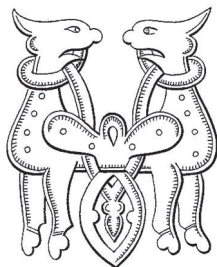
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ:
ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Выпуск 6

Серия
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ: ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Редакционная коллегия серии:
Е. А. Тахо-Годи (председатель)
А. Г. Гачева, Т. А. Касаткина, О. А. Коростелев

Ответственный редактор и составитель выпуска:
Е. А. Тахо-Годи

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российская Академия Наук

ПОЭЗИЯ МЫСЛИ:
ОТ РОМАНТИЗМА
К СОВРЕМЕННОСТИ

К 220-летию со дня рождения
Е. А. Боратынского

Нестор-История
Санкт-Петербург
2023

Коллектив авторов:

А. А. Азаренков, Н. М. Азарова, И. А. Александров, Е. А. Андрущенко,
Ю. Ю. Анохина, А. Ф. Багаева, Р. А. Бакиров, Н. В. Володина, А. Г. Грек,
Е. Е. Давыдова (Пастернак), В. Ю. Даренский, С. Гарциано, А. Г. Гачева,
Л. Е. Гольбурт, Р. Грюбель, Е. М. Захарова, И. В. Зензеря, Д. П. Ивинский,
Т. А. Касаткина, Н. И. Ковалев, В. В. Королева, В. В. Кравченко, В. Н. Крылов,
М. К. Кшондзер, А. В. Марков, Л. Милентиевич, Ю. Б. Орлицкий,
А. И. Пигалев, А. М. Ранчин, С. В. Рудакова, А. В. Саломатин, Я. В. Сарычев,
О. М. Седых, Ю. Н. Сытина, Е. А. Тахо-Годи, Т. Ф. Теперик, Л. А. Трахтенберг,
В. П. Троицкий, А. В. Филатов, Ю. В. Шевчук, А. Шмитт

Выражаем благодарность Российскому научному фонду за поддержку проекта
№ 17-18-01432-П, результаты работ по которому в Институте мировой
литературы им. А.М. Горького РАН отражены в настоящем издании.

П67 Поэзия мысли: От романтизма к современности. К 220-летию
Е. А. Боратынского. Коллективная монография / Общ. ред. и сост.
Е. А. Тахо-Годи. — СПб. : Нестор-История, 2023. — 448 с. (Серия «Рус-
ская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 6).

ISBN 978-5-4469-2098-3

Коллективная монография приурочена к 220-летию со дня рождения Е. А. Боратынского как одного из ярких представителей отечественной «поэзии мысли» и ее признанного зачинателя, но не ограничивается исследованием его творчества или эпохой романтизма, выявляя динамику развития данного феномена в русской культуре вплоть до начала XXI столетия.

В монографии продолжается освещение темы, разработка которой проводилась в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при поддержке Российского научного фонда в 2017–2021 годах (РНФ, проекты № 17-18-01432 и № 17-18-01432-П). Авторы ставили перед собой задачу описать основные механизмы порождения в поэзии философски насыщенных символов и мифологем, проследить процесс взаимодействия литературы и философии в русской поэзии на протяжении двух столетий с целью выявления максимального числа конкретных примеров и аспектов такого рода взаимовлияния.

Разделы книги написаны представителями разных научных школ и поколений из России, Германии, Сербии, США, Франции.

Издание рассчитано на филологов и философов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей русской литературы и философии XIX–XXI веков.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4469-2098-3

9 785446 920983 >

© Е. А. Тахо-Годи, составление, общая
редакция, 2023

© Коллектив авторов, 2023

© Издательство «Нестор-История», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Е.А. Тахо-Годи).....	8
--------------------------------	---

Часть I

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: ЭСТЕТИКА, ПОЭТИКА, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Глава I. Концепты, категории, мифологемы

§ 1. Примирение философии с поэзией в немецком и русском романтизме (А.И. Пигалев).....	13
§ 2. Влияние античных, христианских, просветительских и романтических философских концепций на формирование представлений о счастье Е. А. Боратынского-лирика (С.В. Рудакова).....	21
§ 3. Мотив «второго рождения» в поэзии Е. А. Боратынского (В.Ю. Даренский).....	30
§ 4. Категория обращенности в лирике Е. А. Боратынского (И.В. Зензере) ...	39
§ 5. Мифологема света в книге стихов Е. А. Боратынского «Сумерки» (И.А. Александров).....	42
§ 6. «Сумерки»: о заголовке сборника Е. А. Боратынского сквозь призму «Поэтики заглавий» С. Д. Кржижановского (В.П. Троицкий)	48
§ 7. Е. А. Боратынский: аспекты художественной антропологии. «Недоносок» (Т.А. Касаткина)	54
§ 8. Поэт и его творение как особый род бытия (А.Г. Грек)	63

Глава II. Взаимовлияния, рецепции, интерпретации

§ 1. Е. А. Боратынский — искушение недоказуемым (Е.А. Тахо-Годи).....	74
Сюжет 1: «Болящий дух врачует песнопенье...» и ветхозаветный претекст	74
Сюжет 2: «Ухо мира» и европейский претекст	77
Сюжет 3: Виньетка к сборнику 1827 года и «Суета сует»	86
Сюжет 4: «Недоносок»: мистическая или литературная традиция?	89
Сюжет 5: Стихотворение «Скульптор» — миф, экфрасис, эмблематика?	101
§ 2. «Две повести в стихах»: 14 декабря, Николай I, князь П. А. Вяземский и другие (Д.П. Ивинский).....	108

§ 3. «Промышленные заботы» и «поэзии ребяческие сны» в художественных мирах Е. А. Боратынского и В. Ф. Одоевского (<i>Ю. Н. Сытина</i>)	117
§ 4. Основания модернистских интерпретаций феномена Е. А. Боратынского (<i>Я. В. Сарычев</i>)	124
§ 5. К вопросу о мифологизации личности Е. А. Боратынского в русском символизме (<i>В. В. Королева</i>)	133
§ 6. К истории одного высказывания Е. А. Боратынского в наследии З. Н. Гиппиус (<i>Е. А. Андрущенко</i>)	141
§ 7. Поэт-философ о поэте мысли: Е. А. Боратынский в восприятии Вяч. Иванова (<i>Ю. Ю. Анохина</i>)	149
§ 8. «Рим» Боратынского в романе Лео Перуца «Эх, яблочко куда ты котишься...» (1928) (<i>Н. И. Ковалев</i>)	158
§ 9. «Дар» Евгения Боратынского и благодарность Веры Павловой. «Поэзия мысли» романтика и мысль в стихах «сексуальной контрреволюционерки» (<i>Р. Грюбель</i>)	163

Часть II

Поэзия мысли — трансформации и метаморфозы

Глава I. Поэзия мысли в русской литературе конца XVIII — второй половины XIX века

§ 1. Трансформация бурлескных и масочных форм в «Игрищах» Н. А. Львова (<i>Р. А. Бакиров</i>)	175
§ 2. Рецепция лирики Гёте в русской поэзии XVIII–XX веков: несколько аллюзий (<i>А. В. Саломатин</i>)	183
§ 3. Поэзия мысли и поэзия чувства: Ода Горацию II, 3 (К Делию) в переводе В. А. Жуковского (<i>Т. Ф. Теперик</i>)	193
§ 4. «Я старался облечь в одежду поэзии высшие истины». Аллегории Федора Глинки в контексте истории русской прозаической миниатюры (<i>Ю. Б. Орлицкий</i>)	203
§ 5. Н. В. Станкевич и В. А. Жуковский: рецепция романтической топики (<i>Л. А. Трахтенберг</i>)	213
§ 6. Историософские основания идеи славянского единства в поэзии А. С. Хомякова, братьев Аксаковых, Ф. И. Тютчева, С. П. Шевырева (<i>А. Ф. Багаева</i>)	222
§ 7. А. А. Фет о философичности поэзии (<i>Н. В. Володина</i>)	231

Глава II. Поэзия мысли в литературе Серебряного века

§ 1. Рецепция идей Л. М. Лопатина в творчестве И. Ф. Анненского (<i>Ю. В. Шевчук</i>)	239
§ 2. Критическая проза поэта: единство художественного мира И. Ф. Анненского (<i>Е. М. Захарова</i>)	246

§ 3. У истоков религиозно-философского истолкования русской поэзии в серебряном веке: сборник «Философские течения русской поэзии» П. П. Перцова (<i>В. Н. Крылов</i>)	253
§ 4. Тема памяти в русской философской поэзии XIX в. и становление отечественной философии памяти (<i>А. Г. Гачева</i>)	262
§ 5. Религиозно-философские эксперименты в раннем поэтическом творчестве Д. С. Мережковского (<i>В. В. Кравченко</i>)	277
§ 6. «Поэзия и мысль сплели узор»: поэтическое богословие В. В. Розанова (<i>Л. Милендиевич</i>)	285
§ 7. Н. С. Гумилев и С. М. Городецкий как теоретики акмеизма: к вопросу о философии нового течения (<i>А. В. Филатов</i>)	293
§ 8. О. Мандельштам и О. Шпенглер: заметки к теме (<i>О. М. Седых</i>)	301

Глава III. Поэзия мысли в русской литературе первой половины XX — начала XXI века

§ 1. Единство быта и бытия как одна из основных категорий поэзии мысли в творчестве Бориса Пастернака (на материале анализа цикла «Волны») (<i>М. К. Кишондзер</i>)	311
§ 2. «Фонтан» Бориса Божнева в традиции поэзии мысли (<i>А. В. Марков</i>) ...	319
§ 3. Поэзия мысли в «Парижской поэме» В. В. Набокова (<i>С. Гарциано</i>)	325
§ 4. История как концепт в поэзии Иосифа Бродского: Семантика и механизмы создания (<i>А. М. Ранчин</i>)	335
§ 5. «Маленькие поэмы» Елены Шварц и русский нью-эйдж (<i>А. Шмитт</i>)	343
§ 6. Ольга Седакова и Франсуа Федье (<i>А. А. Азаренков</i>)	352
§ 7. Интертекстуальность в натурфилософской лирике Анны Глазовой (<i>Л. Е. Гольбурт</i>)	361
§ 8. Поэзия мысли и поэзия эмоции: оппозиция или взаимообратимость? (<i>Н. М. Азарова</i>)	370

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Давыдова (Пастернак) Е. Е.</i> Уроки Пескова	379
Аннотации, литература, сведения об авторах	395

ВВЕДЕНИЕ

Е.А. Тахо-Годи

Данная коллективная монография продолжает разработку темы, освещение которой было предпринято в ходе работы над проектом «Русская литература и философия: пути взаимодействия», поддерживаемым Российским научным фондом в течение 2017–2021 годов (РНФ, проекты № 17-18-01432 и № 17-18-01432-П), в пяти выпусках одноименной серии¹, издававшейся под эгидой Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, и является ее шестым выпуском.

В основу монографии легли изыскания, впервые апробированные в 2020 году на Международной конференции, приуроченной к 220-летию со дня рождения Е. А. Боратынского как одного из ярких представителей отечественной «поэзии мысли» и ее признанного зачинателя.

Правда, такое признание закрепилось за поэтом только в эпоху Серебряного века, когда стали воскрешаться имена, забытые «реалистами» второй половины XIX столетия, и достигла своего небывалого расцвета отечественная философская мысль. Именно в это время известный литературный критик и профессиональный философ Ю. И. Айхенвальд заговорил о Е. А. Боратынском как о «поэте мысли», который «от каждого явления мировой жизни вдумчиво берет <...> его

¹ Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. 600 с. (Сер. «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 1); Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. 548 с. (Сер. «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 2); Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 660 с. (Сер. «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 3); *Касаткина Т. А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / Отв. ред. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с. (Сер. «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 4); *Гачева А. Г.* Человек и история в зеркале русской философии и литературы / Отв. ред. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2021. 700 с. (Сер. «Русская литература и философия: пути взаимодействия», Вып. 5).

смысл, его умную сердцевину, и показывает ее красоту», отчего его собрание стихов превращается в «кодекс художественной мудрости»². В этой «лирике мысли» в «гераклитовом огне ума», писал он, перегорела «вся роскошь непосредственных впечатлений, вся пленительная наивность жизни», но «зато дала сознанию ясность неожиданных откровений, радость понимания, и приобщила его к замыслу вселенной»³. При этом «насыщенность мыслью» этих «тщательно обдуманных речей, более похожих на изречения», органически и гармонически, «необыкновенно-сжато» выражена через «такое же сосредоточенное слово»⁴. Слово у Боратынского «сроднилось с мыслью и выступает только ради нее и вместе с нею»⁵. Такая «поразительная экономия в трате полновесных слов, доведенная до самых пределов необходимости», зачастую затрудняет понимание текстов поэта: «не сейчас увидишь, к чему относится его местоимение, где ключ к расстановке слов; не сейчас развяжешь узел его глаголов, которые он, тоже в интересах сжатости, часто употребляет в нежеланном для русского языка страдательном залоге»⁶. И «в этих словесных теснинах» «только серьезный мыслитель может чувствовать себя привольно», довольствуясь «изысканной долей внешних знаков», так как «богатый мыслью» поэт «требует ее и от своего читателя»⁷. Поэтому «только напряженное и пытлиное внимание, идущее в самую глубину не сразу проницаемых строк, оценит его стихотворения»⁸.

Однако авторы монографии не ограничились исключительно интерпретацией творчества этого замечательного поэта-мыслителя. Они стремились изучить динамику развития в русской культуре феномена «поэзии мысли», определить хронологические границы бытования, взаимосвязь и отличие как от «поэзии сердечного воображения», так и от «философской поэзии». Выявляя и описывая наиболее релевантные примеры в русской поэзии, исследователи охватили обширный материал — от романтизма до современности, а в центре их внимания оказались вопросы о месте в поэтическом мире личности, о возможности поэтической антропологии, онтологии и гносеологии.

² Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Вып. 1. 2-е изд., испр. и доп. М.: Научное слово, 1908. С. 214.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Цели и задачи предопределили двухчастную структуру монографии.

В первой части рассматривается вклад Е. А. Боратынского в отечественную «поэзию мысли», причем в первой главе анализируются поэтика и эстетика самого поэта, а во второй — преимущественно рецепции его наследия вплоть до XXI в.

Вторая часть монографии включает три главы, в свою очередь последовательно рассматривающие «поэзию мысли» в литературе конца XVIII — второй половины XIX века — от Г. Р. Державина, Н. А. Львова, А. Х. Востокова до А. А. Фета, в литературе Серебряного века — от И. Ф. Анненского до О. Э. Мандельштама, в литературе первой половины XX — начала XXI века — от Б. Б. Божнева до А. С. Глазовой.

В Приложении к монографии публикуются воспоминания Е. Е. Давыдовой (Пастернак) о замечательном ученом, знатоке творчества Е. А. Боратынского, профессоре кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Алексее Михайловиче Пескове (1953–2009), подготовившем Летопись жизни и творчества поэта и инициировавшем издание его полного собрания сочинений в трех томах.

Надо отдельно сказать, что идея А. М. Пескова издавать тексты поэта в старой орфографии оказалась красивой, но, к сожалению, нежизнеспособной. В итоге авторы данной монографии вынуждены были цитировать поэта в современной орфографии по другим изданиям.

В то же время в настоящей книге вслед за М. Л. Гофманом и А. М. Песковым мы придерживались написания фамилии поэта через «о» («Боратынский»), исключая цитаты, в которых поэт чаще всего фигурирует как «Баратынский». Избегать подобного разнобоя не представлялось возможным, за что приходится просить прощения у взыскательных читателей, но и А. М. Песков, будучи главным борцом за написание фамилии поэта через «о», в конце 1980-х — начале 1990-х годов зачастую отступал от данного требования, о чем свидетельствуют его письма, включенные в публикуемые нами мемуары Е. Е. Давыдовой (Пастернак).

Часть I

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: ЭСТЕТИКА, ПОЭТИКА, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Глава I

КОНЦЕПТЫ, КАТЕГОРИИ, МИФОЛОГЕМЫ

§ 1. Примирение философии с поэзией в немецком и русском романтизме

А. И. Пигалев

С именем Е. А. Боратынского обычно связывают создание особого, непривычно смелого для его времени и непростого поэтического языка, который, не будучи лишь чисто техническим средством для выражения философского содержания, создал предпосылки для появления того нового явления в русской культуре, которое стало называться «поэзией мысли». Это явление не было связано только с творчеством Боратынского, но именно он воплотил в своей поэзии его наиболее характерные черты. Тем не менее звание «поэта мысли» в качестве некоторой положительной характеристики закрепилось за ним лишь после выхода в свет в 1835 году его второго поэтического сборника.

Ведущая роль здесь принадлежала историку литературы, поэту, литературному критику и публицисту С. П. Шевыреву. Его позиция определялась взглядами московских Любомудров, прежде всего Д. В. Веневитинова, который считал, что «поэзия неразлучна с философией»¹. В соответствии с этим первые поэтические опыты Боратынского были оценены Шевыревым отрицательно. Более того, несомненное изящество его поэтического стиля было характерным образом истолковано в качестве препятствия для «неразлучности» поэзии с философией. Между тем приведенной выше лапидарной формулой Веневитинова выражается всего лишь общий взгляд романтизма на взаимоотношения поэзии и философии, которая самими московскими Любомудрами была, скорее всего, просто усвоена в процессе изучения философии немецкого романтизма.

Своей лапидарностью эта формула свидетельствует, что понимание сути этих взаимоотношений оставалось для русского романтизма достаточно неопределенным. При этом если понятие «философской

¹ Веневитинов Д. В. Разбор статьи о «Евгении Онегине», помещенной в 5 № «Московского телеграфа» [на 1825 г.] // Веневитинов Д. В. Полное собрание сочинений / Под ред. и с примеч. Б. В. Смиренского; вступ. ст. Д. Д. Благого. М.: Academia, 1934. С. 224.

поэзии» кажется более или менее понятным и достаточно четко описанным — оно означает использование преимущественно поэтических средств для выражения философского мышления и его результатов, то с «поэзией мысли» все выглядит намного сложнее. Главная сложность заключается в том, что ни в истории литературы, ни в истории философии она не рассматривалась в качестве определенной реакции на некоторые качественно новые и в то же время общие процессы в культуре.

При этом выявление и анализ факторов, обусловивших возможность «поэзии мысли», особенно важны, поскольку само ее появление в русской культуре не только не было оценено и осмыслено современниками Боратынского, но не вызывало интереса исследователей и впоследствии. Более того, многими из современников Боратынского своеобычность «поэзии мысли» и ее языка не были даже замечены. То же можно сказать и о попытках истолковать «поэзию мысли», то есть соответствующий поэтический язык, в качестве особого, а в некоторых случаях даже привилегированного средства философского познания, не говоря уже о попытках сравнительного анализа, позволяющего включить «поэзию мысли» в контекст аналогичных процессов в других культурах.

В этой связи следует учитывать и то, что представленным Боратынским первым образцам «поэзии мысли» оказался присущ характерный эффект «несвоевременности», в результате которого лишь по прошествии довольно долгого периода забвения она была переоткрыта русскими символистами. В результате уже нельзя было не заметить, что тенденция использования поэтического языка в качестве средства не только выражения, но и познания не является уникальной особенностью русской культуры. Аналогичные тенденции, но разделенные с нею во времени, причем как опережающие, так и отстающие, были обнаружены и в других культурах. В итоге эта тенденция становится характерной чертой ряда концепций современной философии, сочетаясь с критикой мышления и языка современности.

Соответственно, рассмотрение сосредоточивается на анализе ключевой проблемы «поэзии мысли» — переосмыслении «разлада между философией и поэзией» в немецком и русском романтизме. Типологической особенностью романтизма с его стремлением к целостности, основанной на примирении противоречий, является череда попыток устранить этот разлад. При сравнительном анализе в обоих типах романтизма нетрудно увидеть общие черты, которые, однако, не могут быть объяснены только преобладающим влиянием немецкой культуры на русскую.

Общим здесь является то, что романтизм в целом, то есть, в частности, и немецкий, и русский, был реакцией, преимущественно

критической, на наступающий модерн и лежащие в его основе философские принципы Просвещения. Это означает, что для исследования «поэзии мысли» необходима иная объяснительная модель, не сводящаяся лишь к выявлению и рассмотрению различных влияний национальных видов романтизма друг на друга. Она должна исходить из того, что и немецкая, и русская культура сами испытывали, хотя и в разные исторические периоды, схожие воздействия, вызванные процессами модернизации, тогда как реакции на эти воздействия в ряде моментов существенно отличались друг от друга.

В русском романтизме, возникшем позже немецкого, испытавшем его влияние в первую очередь и во многом следующем за ним, попытка примирения философии с поэзией предсказуемо приняла вид «поэзии мысли». Немецкие романтики говорили практически о том же, но намного раньше. Иными словами, проблема «поэзии мысли» была не только поставлена, но и определенным образом решена, хотя и не окончательно, в немецком романтизме, чтобы вновь стать актуальной в современной философии. Именно этим вкупе со стремлением к примирению противоположностей объясняются характерные попытки романтиков так или иначе вернуться к традиции и некоторым образом объединить ее с модерном, что неизбежно делало синкретическими не только основания романтизма, но и его конкретные проявления.

Поэтому «поэзия мысли», будучи попыткой романтизма примирить поэтическую образность с понятийной строгостью философского мышления, также принципиально синкретична. «Поэзия мысли» представляет интерес в качестве предмета философского исследования с его акцентом на всеобщее, прежде всего, вследствие множества контекстов проблемы примирения чувства и образа, с одной стороны, и строгого понятия — с другой. Результат такого примирения во всех случаях оказывается внутренне противоречивым сочетанием несоединимого, восходя к древним прецедентам, и в этом смысле не ограничивается только культурой романтизма.

Если романтизм стремится примирить рациональное и эмоциональное, чувство и мысль, образ и понятие, воображение и логику, поэзию и философию, то, прежде всего, следует задать вопрос о том, почему же они, собственно, были изначально непримиримы. Ответ прост: в сущности, проблема вписывается в древнюю традицию противопоставления логосу мифа и именно в этой связи является предметом философского исследования. Так, еще Платон (Государство X 607b–607d) говорит о том, что «искони наблюдается какой-то разлад между

философией и поэзией»², указывая, в частности, что поэзия, в отличие от философии, не может провести различие между истиной и ложью. Поэзия в противопоставлении Платона связывается с иррациональностью мифа, на преодоление которого претендует философия.

Таким образом, разлад между философией и поэзией заключается, прежде всего, в форме мышления — логически последовательного и строгого в философии, эмоционального и образного в поэзии. Однако стиль также изменяется в соответствии с новыми требованиями. Наконец, не избегает противопоставления понятия и образа и понимание языка. Для того, чтобы быть работоспособным средством философского мышления, позволяющим выражать тончайшие различия и многомерные логические связи между понятиями, язык должен был иметь значительно более сложную структуру, чем того требовала от языка тогдашняя поэзия.

Ранний немецкий или иенский романтизм, связываемый с такими именами, как Ф. Шлегель, Новалис и, в некоторых отношениях, Ф. Шлейермахер, представлял собой именно попытку примирить философию с поэзией, поскольку и после Платона разлад между ними, как очевидно, сохранялся. Более того, к концу XVIII века этот разлад обострился и осложнился, поскольку необходимо было примирить традицию с идеологией Просвещения, которая была антирелигиозной и открыто противостояла тем принципам, на которых основывались так называемые традиционные общества, или общества преמודерна.

Задача, стоявшая перед ранним немецким романтизмом, заключалась в том, чтобы после разрушения религиозных и метафизических оснований жизни вернуть ей смысл. Речь шла о попытке противодействия тому новому состоянию, которое еще только начинало устанавливаться и которое лишь позже, после того как его неотвратимость стала очевидной, будет осмыслено Ф. Ницше как «смерть Бога» и «нигилизм». Решение, предложенное ранним немецким романтизмом и, пожалуй, романтическим движением в целом, исходило из убеждения, что эта задача может быть решена с помощью широко понимаемой поэзии.

Между тем такая поэзия уже не сводилась только к стихотворной форме, рассматривалась в качестве просто творчества и потому могла обозначать и философию. Иенские романтики видели самую совершенную поэтическую форму в романе, и примирение философии и поэзии

² Платон. Государство / Пер. А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 405. См. также: Levin S.B. The Ancient Quarrel between Philosophy and Poetry Revisited: Plato and the Greek Literary Tradition. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001.

заклучалось для них именно в написании некоего совершенного романа, который, впрочем, никем из них так и не был написан. Не совсем удачными попытками были «Люцинда» Шлегеля и «Генрих фон Офтердинген» Новалиса.

Особое место в развитии философии немецкого романтизма и немецкой философии в целом занимает творчество Ф. Гёльдерлина (1770–1843), который первым начал последовательно рассматривать поэтический язык в качестве средства познания. Хотя его принадлежность к романтическому движению оспаривается некоторыми исследователями, в содержательном отношении его связь с романтиками не вызывает сомнений. В то же время проблема, которая стояла перед Гёльдерлином, была той же, что стояла перед немецкой классической философией.

Это проблема, которая всегда стоит перед культурой, вовлеченной в процесс модернизации, разрушающий традицию и, тем самым, первичную органическую общественную организацию. Проблема заключается в неразрешимости порожденного модернизацией противоречия. С одной стороны, это неприемлемость свободы человека в качестве самоутверждающегося субъекта, у которого нет и не может быть каких-либо оснований, как позже станет окончательно ясно в условиях нигилизма. С другой — это невозможность вернуться к органичности разрушенной модерном традиции.

В отличие от своего ровесника Гегеля, вместе с которым Гёльдерлин учился в Тюбингене и философские взгляды которого долгое время во многом разделял, его обращение к поэзии свидетельствует о том, что он считал это противоречие неразрешимым в рамках философии. Судя по всему, именно это заставило Гёльдерлина перейти от философии к поэзии³. В сущности, это попятное движение от мысли к чувству и образу и, таким образом, от логоса к мифу. В этом отношении показателен известный фрагмент, написанный рукой Гегеля, но авторство которого до сих пор оспаривается, и считается, что оно может принадлежать не только Гегелю, но и Шеллингу и Гёльдерлину или кому-то из них в соавторстве с одним из остальных.

В этом фрагменте говорится:

Философ подобно поэту должен обладать эстетическим даром. Люди, лишенные эстетического чувства, а таковы наши философы, — буквоеды. Философия духа — это эстетическая философия <...> А поэзия благодаря этому обретает высшее достоинство, она в конце концов становится тем,

³ См. анализ философского контекста поэзии Гёльдерлина в работе: Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина / Пер. с нем. Г. Б. Ноткина. СПб.: Академический проект, 2003.

чем была вначале, — *наставницей человечества*; не станет более философии, не будет истории, одна поэзия переживет все науки и искусства⁴.

Далее автор пишет:

Сначала я разовью идею, которая, насколько мне известно, никому не приходила в голову: мы должны создать новую мифологию, но эта мифология должна стоять на службе идей, быть мифологией разума⁵.

«Мифология разума» и становится тем примирением философии с поэзией, о котором грезил немецкие романтики. В этой связи представляется вполне закономерным, что потребность в примирении философии с поэзией была артикулирована и в московском кружке Любомудров. Однако здесь обнаруживается парадокс, заключающийся в том, что общая идейная атмосфера того периода в истории русской культуры была весьма критична по отношению к философии в поэзии. Вопреки мнению Веневитинова о необходимости введения философии в поэзию, поддерживалась и отстаивалась скорее традиционная позиция — первенство чувства и образа перед мыслью.

Иными словами, это был не отход от риторической традиции в сторону логики, а ее сохранение. Тогда противоположная позиция, к принятию которой тяготели Любомудры, в соответствии с установками тогдашней отечественной культуры, должна была бы быть отнесена отнюдь не к романтизму, а к просветительскому рационализму или, во всяком случае, к некоторым его элементам, которые, несомненно, вызывали отторжение у сторонников прежних канонов. Иными словами, спор, кажущийся в своей основе чисто литературным, был на самом деле отражением конфликта культур, что, заметим, самим Веневитиновым осознавалось вполне отчетливо.

В частности, Веневитинов писал:

Россия все получила извне; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дань не удивление, но раболепство <...> Началом и причиной медленности наших успехов в просвещении была та самая быстрота, с которою Россия приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое здание литературы без всякого основания, без всякого напряжения внутренней силы <...> Мы, как будто предназначенные противоречить истории словесности, мы получили форму литературы прежде самой ее сущности⁶.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Первая программа системы немецкого идеализма // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступит. ст. А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1970. С. 212.

⁵ Там же. С. 213.

⁶ Веневитинов Д. В. Несколько мыслей в план журнала // Веневитинов Д. В. Полное собрание сочинений / Под ред. и с примеч. Б. В. Смиренского; вступ. ст. Д. Д. Благого. М.: Academia, 1934. С. 217.

Несомненно также, что и московские любомудры, и русские романтики прекрасно осознавали ту проблему, которая позже занимала и немецкую классическую философию. В их терминологии это была проблема сочетания личности и соборности.

Между тем при сопоставлении немецкого и русского романтизма приходится иметь дело с разными этапами романтического движения. Русский романтизм только начал оформляться, одушевляясь становившимся все более явным противостоянием модерну (особенно выразительно у позднего Шеллинга в его критике гегелевского панлогизма). Немецкий романтизм в своих рационалистических тенденциях уже достиг высшей точки развития и начал нащупывать обратные пути, говоря предельно общо, от логоса к мифу. Напротив, русский романтизм еще только с энтузиазмом двигался навстречу модерну.

В связи с этим нельзя не согласиться с суждением, что в поэзии Боратынского отражалось «трагическое самосознание человека, отторгнутого от общих ценностей»⁷. Нужно, однако, признать, что он не был бы романтиком, если бы совсем не предвидел неоднозначные последствия модернизации. Боратынский в 1835 году писал в стихотворении «Последний поэт»:

Век шествует путём своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколения,
Промышленным заботам преданы⁸.

Таким образом, «поэзии ребяческие сны» исчезли под действием «света просвещения», который и требует преобразования «поэзии чувства и образа» в «поэзию мысли». «Поэзия мысли» Боратынского, следуя принципам просветительского рационализма, основывается на точности языка, стиля и слога, что и делает ее орудием познания. В этом смысле в противоречии между утраченной органичностью прежних форм общественной жизни и притязаниями человека в качестве

⁷ Гинзбург Л. Я. Поэзия мысли // Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 81.

⁸ Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина; сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Л.: Сов. писатель, 1989. С. 179. (Библиотека поэта. Большая серия).

самоутверждающегося субъекта Боратынский главной задачей и выбирает формирование такого субъекта.

В 1832 году в письме к И. В. Киреевскому Боратынский писал:

Мы так далеко от сферы новой деятельности, что весьма неполно ее разумеем и еще менее чувствуем. На европейских энтузиастов мы смотрим почти так, как трезвые на пьяных, и ежели порывы их иногда понятны нашему уму, они почти не увлекают сердца. Что для них действительность, то для нас отвлеченность. Поэзия индивидуальная одна для нас естественна. Эгоизм — наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не уверовали в новые. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себе. Вот покамест наше назначение⁹.

Однако во многом поэзия мысли, несмотря на выверенность связи мысли с реальностью, оказывается поэзией опасений, указывая на то, что мысль незащищена, что она может быть опошлена, утратить остроту и свежесть новизны, когда она выходит за пределы скрытых смыслов поэзии, чего, очевидно, не могло произойти с образом. Колебания и опасения, связанные с вытеснением чувства мыслью, с рационализацией поэзии, отражены в известном стихотворении Боратынского 1840 года:

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец её! Тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч, бледнеет жизнь земная!¹⁰

Очевидно, что Боратынский и предвидит неотвратимость прихода строгой мысли в поэзию в мире корысти, не знающем бескорыстных поисков истины, поскольку он охвачен «промышленными заботами», и не может принять этой новой реальности наступающего модерна. По-видимому, этим объясняется мрачность его поэзии, ставшей поминованием ушедшего мира.

⁹ *Баратынский Е.А.* Стихотворения. Проза. Письма / Сост. и прим. В. А. Расстригина, А. Е. Тархова; вступ. ст. С. Г. Бочарова. М.: Правда, 1983. С. 245.

¹⁰ *Баратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений. С. 195.